
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ АН УКРАИНЫ
ЦЕНТР ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© ЕВТУХ В.Б., СУГЛОБИН С.И., САМБОРСКАЯ Я.Э.

**НЕМЦЫ В УКРАИНЕ:
СТАТУС, ЭТНИЧНОСТЬ, МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ
(по результатам социологического исследования)**

КИЕВ — 1993

ВВЕДЕНИЕ

Целью предпринятого социологического исследования ставилось получение информации о положении немецкой этнической группы в Украине. Ее реализация была связана с идентификацией следующих основных показателей:

- 1) тенденций социально-экономического развития группы в целом;
- 2) особенностей (на сегодняшний день) политических взглядов и ориентаций представителей немецкой общины, в первую очередь по вопросу государственной национальной политики Украины;
- 3) миграционных установок проживающих в Украине немцев, в особенности в широком обсуждаемом вопросе об их выезде на постоянное место жительства в Германию.

Предполагалось, что существует определенная связь между этничностью (например, таким ее аспектом, как уровень национального самосознания), с одной стороны, и политико-миграционными установками немцев — с другой. В то же время, ожидалось, что специфика последних в значительной степени будет зависеть все-таки от фактора скорее социально-экономического, нежели этнического или политического планов.

Выборка формировалась путем многоступенчатого отбора. На первой ступени осуществлялся направленный (неслучайный) отбор, где основным параметром служила социальная активность респондентов немецкой национальности (отбирались только те немцы, которые участвуют в деятельности немецких этнических организаций). Выбор осуществлялся на основании данных, любезно предоставленных обществами немецкой культуры, зарегистрированными в Украине). На последующих ступенях использовалась обычная процедура случайного отбора — с определенным шагом отбирались респонденты из имеющихся списков членов немецких этнических организаций. В результате, в выборочную совокупность вошло 286 респондентов, представляющих различные социальные категории и проживающие в шести крупных областях Украины: Киевской, Львовской, Николаевской, Одесской, Запорожской, Закарпатской.

Обследование проведено в период с мая по июнь 1992 г.

Поскольку изучаемая тема при всей ее актуальности принадлежит к числу малоработанных, то полученные в ходе исследования данные носят предварительный характер. Представляется, что они могут послужить отправной точкой, основой для последующих специальных, более углубленных исследований по проблеме этнических немцев в современной Украине.

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В этот раздел мы номинально включаем весь набор индикаторов социально-экономического, а также демографического положения, расселения и поселения обследуемых немцев. Но предпринятое исследование носило комплексный характер и преследовало цели анализа не столько перечисленных подтем, сколько тем, связанных с этничностью, политикой и миграцией. Поэтому задействованный здесь круг вопросов сознательно ограничен интересом к тем основным характеристикам, на основании которых можно было бы представить своего рода социально-экономический облик нашего респондента — респондента применительно прежде всего к указанным акцентам. Сжатый же объем всего изложения позволяет ниже лишь бегло остановиться на следующих характеристиках.

ПОСЕЛЕНИЕ. В силу того, что обследованым, как уже указывалось во вводной части, были охвачены преимущественно респонденты, предоставленные многочисленными и разбросанными по Украине немецкими этническими институтами, выявленная поселенческая структура немецкого населения, возможно, требует соответствующих дополнений. Согласно результатам нашего обследования, эта структура выглядит, тем не менее, так: 34,7% представляют жители областного центра Украины, 19,9% — жители столицы Украины, т.е. г. Киева, 22,4% — жители других городов, 3,3% — жители поселка городского типа и, наконец, 19,9% — жители сельской местности. Таким образом, подавляющая часть наших респондентов относится к числу тех, кто так или иначе имеет статус городского жителя.

Конечно же, это накладывает отпечаток на содержание многих показателей как объективного, так и субъективного планов, о чем конкретно речь пойдет ниже. Сейчас же подчеркнем относительную устойчивость указанного статуса: почти половина (41,8%) опрошенных, как выяснилось, родилась там же, где они сейчас проживают. Другая половина — те, кто в свое время хотя бы раз менял место жительства, как правило, приехав на нынешнее место жительства из другого города (40% из тех, кто родился не там, где сейчас проживает) и, в гораздо меньшей степени (уже соответственно 27,7%), приехали из сельской местности. При этом большинство вообще, оказывается, прибыло в Украину с территории других бывших советских республик. Кроме того, городской житель имеет явные преимущества над сельским по частоте смены своего местожительства, что, впрочем, абсолютно закономерно, так как мобильность горожанина всегда куда выше, чем у жителя села. Так, среди менявших свое местожительства в целом наибольшая частота свойственна переезду из города в город — в среднем 1,5 раза на каждого когда-либо переезжавшего респондента, затем переезду из села в село (0,7 раза), и лишь затем переезду из села в город (0,4 раза) и из города в село (0,1 раза). Что касается тех, кто своего местожительства не менял, то они остаются в явном меньшинстве по отношению к тем, кто менял (20,7% против 79,3%). Сопоставив эти данные с тем, что характерно по родившимся “там же, где они сейчас проживают”, нетрудно заметить, что определенная часть немецкого населения в Украине (примерно каждый пятый) живет там, где она сейчас живет в результате возвращения в родные места.

НЕМЦЫ В УКРАИНЕ

СЕМЕЙНЫЙ СТАТУС. ОБРАЗОВАНИЕ. Согласно полученным в результате обследования данным, структура семейного положения наших респондентов выглядит так (в % к ответившим):

женат (замужем) —	82,5
разведен —	7,1
холост (не замужем) —	6,1
вдовец —	4,3

Добавив к этому данные ответов на вопрос о количестве детей, только подчеркнем, что типичный респондент, таким образом, предстает в лице семейного человека с двумя детьми (количество детей — в среднем 1,9). При этом национальности (этническое происхождение) супругов, чаще всего не совпадают, т.е. перед нами, как правило, случай так называемого “смешанного” брака. Хотя, как видно из приводимого ниже конкретного распределения национальности (этнического происхождения супруга, супруги) опрошенных, среди таковых доминируют лица именно немецкого происхождения (в % к ответившим):

немец —	39,6
украинец —	29,2
русский —	21,1
другой национальности —	10,0

Впрочем, как специально рассмотрено в следующем разделе, для того же типичного немца (немки) национальность супруги (супруга) в общем-то значения не имеет, а если в чем-то и имеет, то это значение далеко не решающее.

Что касается образовательного статуса, то он довольно-таки высок. Правда, с точки зрения частоты, нельзя сказать, что чаще всего наш типичный респондент имеет высшее или незаконченное высшее образование, хотя в чисто статистическом выражении это выглядит именно так. Ведь по итогам опроса удельный вес каждого из уровней образования составляет следующие пропорции (в % к ответившим):

незаконченное высшее, высшее —	40,5
среднее специальное —	24,8
среднее —	24,8
незаконченное среднее —	8,8
ученая степень —	1,1

Тем не менее, общий уровень образования обследуемых немцев впечатляет. Насколько этот уровень обуславливает другие показатели, например, в области материального положения, будет видно ниже. Здесь же только заметим, что обнаруженный нами образовательный статус может не совпадать с тем, что зафиксировано по немцам в Украине на основании тех же данных переписи. Однако это уже вопрос правомерности методики, которая, как уже подчеркивалось, в нашем случае определялась специфическими параметрами выборки.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ. Прежде чем приступить к этой характеристике, не лишне напомнить об относительности любых данных по поводу нашего здесь предмета разговора, если учесть традиционную проблему жилья в бывшем Советском Союзе и в Украине в частности. При этом следует также иметь в виду, что эта проблема практически в равной мере касается всех проживающих в стране этнических сообществ, ибо все соответствующие различия, например, в обеспеченности жильем, естественно, определялись далекими от этничности факторами. Однако в силу того, что та же этничность через сложную цепочку взаимодействий с факторами культурно-образовательного плана таким опосредованным образом все-таки может выходить на материальную сферу (или хотя бы профессиональную, что для этого общества ближе), определенные диспропорции с жилищными условиями, не исключено, могут наблюдаться и по этнической линии.

Итак, одним из надежных показателей жилищных условий везде и всегда выступал характер жилья. Единственное, что осталось здесь предварительно уточнить — это специфи-

чески "советский" набор основных видов жилья и, главное, объективный объем предложений по каждому из этих видов (например, столь близкий даже среднему по доходам обывателю на Западе "частный дом" десятилетиями оставался для "советских" людей абстрактным понятием). Поэтому неудивительно, что итоги нашего обследования по данному вопросу зафиксировали типично "советскую" иерархию основных видов жилья и по немногочисленной в масштабах страны категории этнических немцев. В частности, на предложение закончить фразу "Вы живете..." были получены следующие ответы (в % к ответившим):

в государственной квартире —	40,4
в частном доме —	38,6
в коммунальной квартире —	10,5
в кооперативной квартире —	5,4
снимаю квартиру —	3,6
в общежитии —	0,7
в "гостинке" —	0,4
другое —	0,7

Хотя некоторые возможные отклонения представляют отдельный интерес, как например, относительно высокий процент проживающих "в частном доме". Учитывая, что "частный дом", да и то со множеством оговорок, до недавнего времени прочно оставался привилегией жителей сельской местности, а таких, как было показано выше, среди наших респондентов явно не хватает для того, чтобы сразу объяснить тот "странный" показатель, остается только догадываться о реальном благополучии обладающих частным жильем. Впрочем, словосочетание "возможные отклонения" было употреблено не случайно, так как устойчивые и надежные замеры подобных явлений — для соответствующих сравнений и в целом ориентации — в отечественной социологической практике авторам не известны.

Более надежным в этом, как и во всех других, смысле показателем является субъективная оценка жилищных условий самими респондентами. Именно это и было предложено им сделать, ответив на вопрос о том, удовлетворены ли они своими жилищными условиями. Как выяснилось, общий уровень удовлетворенности тоже порождает дополнительные вопросы. Ведь, как несложно подсчитать из приведенных ниже цифр, "удовлетворенными" или, по крайней мере, "скорее удовлетворенными, чем нет", чувствуют себя чуть меньше половины немцев, в то время как те, кто "неудовлетворен" или "скорее неудовлетворен", превысили численность первых лишь на несколько процентов (в % к ответившим):

неудовлетворены —	31,9
скорее неудовлетворены, чем удовлетворены —	21,5
скорее удовлетворены, чем неудовлетворены —	26,9
удовлетворены —	17,6
затрудняюсь ответить —	2,2

Конечно, можно взглянуть на эти цифры и иначе, подчеркнув, что всего лишь 17,6% "удовлетворены" своими жилищными условиями. Однако отсутствие ожидаемого явного большинства в целом неудовлетворенных (включая и "скорее неудовлетворенных") остается фактом. Может быть все дело в мерках и точках отсчета "удовлетворительного" жилья для местных жителей, давно приученных к специфическим "советским" рамкам достаточного? В конце концов, до сих пор существующие и для граждан независимой Украины "нормы" государственного жилья на человека могут многое здесь объяснить, если, конечно, подсчитать, сколько квадратных метров жилой площади в реальности приходится в среднем на каждого члена семьи нашего респондента. Предусмотрев все это заранее, т.е. при составлении программы опроса, мы теперь имеем возможность сопоставить полученный после обработки соответствующих данных показатель этого среднего метража с тем, что официально установлено в качестве минимально допустимой "нормы". Этими показателями являются соответственно 19 и около 10 (в среднем по городам Украины) квадратных метров. Вместо комментариев, которые представляются излишними, только расшифруем: во-первых, семья типичного немца-респондента, оказывается, не имеет права на получение дополнительной или новой государственной жилплощади, так как превышает все ту же "норму", что считается уже

“удовлетворительным” на фоне хотя бы тех тысяч (или миллионов) семей, которые ютятся по 5-6 человек в одно-двухкомнатных квартирах и, во-вторых, эта же семья типичного немца, исходя из указанного метража и архитектурно-строительных традиций именно “тут”, должна, таким образом, в составе трех человек проживать в небольшой (в среднем 50 кв. м), но, выходит, “уютной” трехкомнатной квартире, что действительно по прошлым советским либо нынешним украинским меркам сравнительно неплохо.

ЗАНЯТОСТЬ И ДОХОД. Аналогичные предварительные предупреждения об относительности соответствующих данных в принципе применимы и здесь — с той лишь разницей, что известные попытки социально-экономического реформирования в Украине как бывшей части СССР все-таки вносят, особенно сейчас, свои коррективы на манер “цивилизованных”. В первую очередь это понятия “занятости” и “дохода”, вместо таких привычных для бывшего “советского народа” как “профессия” и “заработная плата”. В то же время содержание тех же реформ, помимо всего прочего, привело к тому, что, в отличие от рассмотренных выше вопросов жилищных условий, в вопросе, в частности, доходов, похоже, утрачивается возможность применения одномерных объективных показателей, каким всегда выступало денежное выражение дохода. К моменту окончания нашего исследования и его публикации предусмотренная и зафиксированная статистика дохода безнадежно устарела и потеряла всякий смысл после многократных повышений сначала цен, потом зарплат и обратно. Так что на “помощь” абсолютных показателей, как это было в случае с метражом, здесь, к сожалению, рассчитывать не приходится.

Зато явно обогатилась новыми позициями структура, составленная по роду занятий респондентов в настоящее время. И хотя дебутируемые понятия “безработный” и “нет постоянной работы”, как видно из иерархии рода занятий, еще только замыкают соответствующие списки, они скорее всего уже прочно вошли в обиход, в том числе и социологический. Полные результаты обследования по поводу рода занятий выглядят так (в % к ответившим):

пенсионер (неработающий), домохозяйка —	19,6
специалист технического профиля —	18,5
специалист в области науки, культуры, здравоохра- нения, народного образования —	16,0
квалифицированный рабочий промышленности, сель- ского хозяйства, торговли —	14,5
служащий из числа обслуживающего технического персонала —	9,1
руководитель предприятия, учреждения, управленче- ский работник —	4,7
учащийся, студент дневного отделения —	4,4
военнослужащий, работник милиции, суда, прокура- туры —	2,9
безработный —	1,8
разнорабочий, подсобный рабочий —	1,5
нет постоянной работы —	0,7
другое —	6,2

Судя по соответствующим пропорциям, профессиональный состав респондентов достаточно разнообразен и в общем сбалансирован, если иметь в виду отсутствие “сверхпредставленных” категорий занятости (скорее можно говорить о “недопредставленности” ряда категорий — таких как рабочие или учащиеся). Единственное, что выглядит отсутствующим вообще, так это то, что в нашем случае может скрываться за понятием “другое” (а также и некоторыми другими категориями), а на практике соответствовать так называемой частной инициативе и коммерции. Впрочем, проверить (хотя и косвенно) наличие именно такой, связанной с “новым” бизнесом категории среди обследуемых немцев оказалось возможным с помощью другого вопроса, который звучал так: “Что вы предприняли в связи с ухудшением условий жизни в стране?”. Как выяснилось, “открыли свое дело” всего лишь 6,6%, в то время как большинство “стало больше экономить” (41,8%), кто-то “поменял работу на более высокооплачиваемую” (10,2%) или предпочел нечто “другое” (6,2%), а почти каждый третий

вообще “ничего особенного не предпринимал” (35,3%). Даже если механически соединить открывших свое дело (т.е. “чистых” бизнесменов) с теми, кто приобрел статус “высокооплачиваемых”, предположив при этом, что последнее — результат перехода на работу в коммерческие структуры, будет видно, что удельный вес “состоящих в бизнесе” почти такой же как и у квалифицированных рабочих или “специалистов в области науки, культуры, здравоохранения, народного образования”, т.е. тех же, например, учителей, врачей, в целом представителей так называемой “гуманитарной интеллигенции”. Хотя заранее исключать всех последних из сферы частного бизнеса никак нельзя уже в силу того, что получившая в последнее время мощное распространение тенденция к совмещению (при этом в основном негласному) основной работы с чем-то другим (чаще всего как раз с бизнесом) характерна, похоже, и для определенной части наших респондентов. Так, на вопрос о том, имели ли они, помимо основной работы, дополнительную работу, приработок, каждый четвертый (26,0%) ответил утвердительно (74% соответственно “не имели”).

Кто же, имея в виду изначальный или “основной” род занятий больше склонен прирабатывать, а кто менее? Безусловно, это учащиеся и студенты дневного обучения (41,7% из их числа имеют дополнительный приработок), а также служащие из числа технического обслуживающего персонала (37,5%) и в целом специалисты технического профиля (36,0%). Интересно, что дополнительный, очевидно помимо пенсии, доход имеет каждый пятый пенсионер (домохозяйка), также как и то, что среди “военнослужащих, работников милиции, суда, прокуратуры” еще даже больше — каждый четвертый. Менее же всего приработок характерен, и это неудивительно, квалифицированным рабочим (13,2%) и, конечно же, руководителям, хотя и среди последних, как это ни странно, нашелся один “подрабатывающий”. Таким образом, мысль о том, что в бывшем Советском Союзе подрабатывать тоже вынуждены все, при дальнейшем анализе следует уточнить: категория все явственнее распадается на тех, кто хочет и не хочет.

Об этом же, в частности, свидетельствуют и показатели дохода наших респондентов, которым в ходе анкетирования было предложено самим дать оценку своего месячного дохода. Кроме того, им же предлагалось указать соответствующие суммы, т.е. денежное выражение дохода, но, по отмеченным выше причинам, этот пункт они вынуждены были опустить, используя для этого следующие понятия (в % к ответившим):

высокий —	0,7
выше среднего —	5,9
средний —	36,2
ниже среднего —	53,1
затрудняюсь ответить —	4,1

Как видно, основная масса имеет доход далекий от понятий “высокого” или даже “выше среднего”. Следовательно, по логике подрабатывать должны были бы, если не все, то большинство — по крайней мере, явно большее количество, чем один человек из четырех. По видимому, этого как раз и не происходит в силу все тех же неравных возможностей. Во всяком случае, величина дохода мало или почти не оказывает влияния на существование дополнительной работы или приработка. Например, среди тех, у кого доход “выше среднего” приработок имеют 37,5% против 62,5%, в то время как среди тех, у кого доход “ниже среднего” аналогичное соотношение составляют 23,0% и 77,0% (но среди тех, кто имеет “средний доход”, соотношение равняется 27,4% против 72,6%). Иными словами, к приработку несколько чаще прибегают люди с более высокими, чем у остальной большей части доходами (или же их доходы потому и выше, что они прибегают к приработку). Одновременно, число подрабатывающих не намного, но все же уменьшается (а не повышается, как этого следовало бы ожидать) по мере снижения уровня дохода. А так как трудно предположить, что те, у кого доход “ниже среднего” не хотели бы иметь свой приработок, то объяснением их “пассивности” в этом отношении, на наш взгляд, лучше всего служат все те же неравные стартовые возможности. Наглядный тому пример — тот вполне ожидаемый факт, что наибольший удельный вес “открывших свое дело” обнаруживается как раз среди “руководителей предприятий, учреждений” (23,1%), а наименьший — среди пенсионеров и, конечно же, рабочих (5,7% и 2,6% соответственно). Кроме того, нелишен в этом смысле любопытства и другой факт: никто из лиц с ученой степенью своего дела не открыл, большинство (двое из трех) из

них просто “стали экономить” — очевидно из-за все того же невысокого уровня имеющегося у них дохода (среди лиц с ученой степенью никто не решился обозначить свой уровень дохода как “высокий”).

В заключение разговора о материальном положении обследуемых немцев выделим из связанных с ним особенностей умонастроений и поведенческих установок, на наш взгляд, главную: чем выше доход, тем чаще встречается согласие с мнением о том, что “в этой стране ничего хорошего быть не может, правы те, кто вовремя позаботился об отъезде”. Именно так считают все с “высоким” доходом и абсолютное большинство тех, у кого доход “выше” среднего (73,3%). И, наоборот, никто из тех с “высоким” доходом и почти никто из тех с доходом “выше среднего” не согласен с тем, что чем больше они будут работать, тем лучше будут жить, поэтому “надо подыскать дополнительный заработок”. Общее направление умонастроений, таким образом, очевидно. Впрочем, это уже тема специального раздела, где миграционные установки обследуемых немцев рассмотрены подробно и всесторонне.

ЭТНИЧНОСТЬ, ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ.

Тематически, данная общая рубрика включает в себя довольно широкий круг вопросов, представляющих отдельный интерес в рамках нашего исследования: от языковых характеристик до восприятия современной этнонациональной ситуации в Украине. Поэтому для удобства анализа полученных данных рассмотрим их в следующей последовательности.

ОСНОВНЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ. К числу таковых, как известно, традиционно причисляются этническое самосознание, язык, религия. Что касается первого и, пожалуй, наиболее существенного признака — этнического самосознания, то его изучение в нашем случае представлялось наиболее целесообразным сосредоточить на показателях не только и не столько самого уровня этнического самосознания, сколько так называемой этнической выпуклости (*ethnic salience*). В контексте настоящего обсуждения речь, таким образом, идет о роли и месте, которое отводится самим респондентом своей этничности во всей совокупности человеческих ценностей, интересов, качеств и т.д.

Один из направленных на это вопросов был сформулирован в ходе обследования следующим образом: “Многие утверждают, что человека характеризует в первую очередь его национальность (этническое происхождение). В какой степени Вы с этим согласны?” По результатам опроса общая картина “согласия” выглядит так (в % к ответившим):

полностью согласен	24,6%
частично согласен	42,0%
это зависит от ситуации	15,6%
не согласен	11,2%
затрудняюсь ответить	6,5%

Тот факт, что ошутимое большинство (около 2/3) так или иначе (полностью либо частично) согласны с подобным утверждением, конечно, комментировать трудно. Однако, такой итог можно в целом признать в известном смысле неожиданным, если учесть, что ответы на подобные вопросы — об основополагающих характеристиках человека — чаще всего квалифицируются, т.е. ставятся в зависимость от контекста, ситуации и т.д. Подобных же оценок в нашем случае по каким-то причинам оказалось относительно мало — всего 15,6%. Но, что удивительно, еще меньше оказалось вообще “несогласных” (лишь один из десяти) с утверждением, смысл которого для многих мог, по логике, граничить с чем-то социально неприемлемым в принципе. (Действительно, нетрудно представить, к чему вело бы воплощение идеи о главенствующей роли национальной принадлежности на практике, скажем в области политики). Как бы там ни было, зафиксированное умонастроение большей части наших респондентов вряд ли стоит оценивать как показатель какого-либо повышенного этнического сознания или интереса к этнической идентификации. Об этом, в частности, говорят результаты по двум другим, близким по направленности вопросам.

Первый из них заключался в том, что респондентам было предложено путем соответствующей нумерации определить значимость лично для него каждого из специально перечисленных "базовых" человеческих признаков именно в других людях. По итогам соответствующей процедуры выяснилось, что лишь один из десяти респондентов был склонен ставить на первое место в специальном списке признаков национальность и расу, большинство же явно отдавало предпочтение "культурным интересам". Более того, как явствует из Таблицы 1, этнорасовый признак занимал как раз таки последние места, уступая по популярности даже такому близкому себе, как вероисповедание. Впрочем, подобный замер этнической выпуклости не лишен своих изъянов, и было бы ошибочно абсолютизировать значимость полученных в этом конкретном отношении данных. Тем не менее, общую корректирующую функцию указанный вопрос осуществил, показав, что чисто этническим признакам в характеристике людей все же принадлежит далеко не ведущая роль. В то же время, не будем забывать, что обобщенный здесь термин "культурные интересы" вполне может включать в себя многое из того, что обусловлено этничностью, и, следовательно, при дополнительном анализе вносить уже собственные коррективы.

Вторым вопросом, направленным на выяснение уже самоидентификации респондентов по специальным вариантам географического (регионального), национального (государственного), этнического и политического самообозначения.

Таблица 1.

Оценка значимости "базовых" признаков человека (частотность упоминания позиций)
(в % к ответившим):

Признак	позиции (степени) значимости								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
пол	14,0	4,1	6,4	17,5	9,9	11,7	15,8	20,5	100
раса и этничность	11,9	10,2	10,8	13,6	10,8	6,8	14,8	21,0	100
социальный статус	15,1	16,8	19,5	13,4	14,5	11,7	2,8	6,2	100
культурные интересы	41,5	16,0	14,5	12,0	5,0	6,0	3,5	1,5	100
материальное положение	6,9	5,8	11,0	13,3	18,5	13,3	15,6	15,6	100
возраст	2,9	20,0	9,7	9,1	12,6	14,9	17,0	13,4	100
вероисповедание	6,6	10,9	9,3	8,2	16,9	21,3	18,0	8,7	100
образование	6,7	21,3	22,4	16,7	13,5	9,4	5,2	4,7	100

Респондентам было предложено закончить фразу: "Я прежде всего считаю себя...", используя для этого одно из приведенных ниже понятий (в процентах указана частотность упоминания среди тех, кто ответил):

- немцем40,2%
- европейцем20,9%
- гражданином (жителем) Украины13,4%
- гражданином мира9,1%
- жителем своего города (например, киевлянином)7,5%
- советским человеком2,0%
- другое2,4%
- затрудняюсь ответить4,7%

Обнаруженное преобладание этнической самоидентификации над остальными вариантами ответов, безусловно, заслуживает внимания. Похоже, проживающим сегодня в Украине немцам сегодня мало свойственен нынешний государственный патриотизм, равно как и всеобъемлющий космополитизм, не говоря уже о бывшем советском патриотизме или, на худой конец, о регионализме. В предложенных рамках им явно ближе самоопределение в духе, как минимум, европеизма, но ближе всех остается собственно этническое — восприятие себя именно немцем. Более того, как показало обследование, это этническое самоопределение оказывается в большей степени наполненным соответствующим идейным содержанием, своего рода этнической идеологией, как можно было бы, на наш взгляд, охарактеризовать тех, кто

согласен с вышеуказанным утверждением о первостепенной значимости этнического признака в жизни человека. Приведенные ниже перекрестные данные Таблицы 2 в этом отношении достаточно красноречивы: почти 80% среди тех, кто считает себя в первую очередь "немцем" — полностью или частично согласны с этим утверждением. Правда, даже несколько больший процент (81%) таковых зафиксирован среди "европейцев", а среди "граждан мира" он тоже составляет большую часть (61%). Однако, данные Таблицы 2 по вертикали, рассматриваемые самостоятельно, похоже, ставят все на свои места. Большая половина "полностью согласных" является прежде всего "немцами" (немного не дотянул до этой отметки и соответствующий показатель по "частично согласным"), в то время как следующая за ними по весомости наши условные группы "европейцев" и государственных патриотов ("граждан Украины") среди все тех же "согласных" существенно меньше (в лучшем случае — среди "частично согласных" — примерно в 1,5 раза, в остальных — разрыв увеличивается в пропорциях от 1:2,5 до 1:4).

Таблица 2.

Самоидентификация и оценка роли этнического самосознания
(в % к ответившим):

Типы самоидентификации	"Человека характеризует в первую очередь его национальность (этническое происхождение)"										
	полностью со- гласен		частично согласен		зависит от ситуации		не согласен		затрудняюсь ответить		ВСЕ- ГО
немец	34,0	53,1	45,0	41,7	12,0	33,3	2,0	1,4	1,0	43,7	100
европеец	25,0	20,3	55,8	26,6	5,8	8,3	7,7	14,8	5,8	18,8	100
гражданин Украины	23,5	12,5	29,4	9,3	14,7	13,9	23,5	29,6	8,8	18,8	100
гражданин мира	8,7	3,1	52,2	11,1	4,3	2,8	30,4	25,9	4,3	6,3	100
житель своего города	15,8	4,7	26,3	4,6	36,8	19,4	21,1	14,8	0	0	100
советский человек	40,0	3,1	0	0	60,0	8,3	0	0	0	0	100
другое	0	0	50,0	2,8	33,3	5,6	0	0	16,7	6,3	100
затрудняюсь ответить	16,7	3,1	33,3	3,7	25,0	8,3	16,7	7,4	8,3	6,2	100
ВСЕГО		100		100		100		100		100	

В целом же, выявленная структура самоидентификации граждан Украины немецкого происхождения только усиливает интерес к прояснению деталей относительно соответствующих установок на эмиграцию "советских" немцев. Последняя тема принадлежит к числу одной из наиболее животрепещущих во всем "немцком" вопросе, поэтому ниже ей отведено отдельное место. Сейчас же представляется уместным подчеркнуть только зависимость между указанной этнической самоидентификацией и существующими предпочтениями относительно будущего (естественно, гипотетического) гражданства. Так, у абсолютного большинства этнически "самоопределившихся" — и данные Таблицы 3 это наглядно демонстрируют — наблюдается определенное совпадение: этнической идентификации с гражданством страны происхождения (т.е. в нашем случае Германии). Ведь 3 из 4, считающих себя прежде всего "немцами", при наличии соответствующего выбора предпочли бы для себя иметь именно германское гражданство. И наоборот, если уж проживающие на территории Украины немцы по происхождению считают себя в первую очередь гражданами этой страны, то и выбор для большинства из них (почти 2/3) предрешен — гражданство Украины. В то же время, нельзя не обратить внимание на явно прогерманскую ориентацию основной массы космополитов — наших "европейцев" и "граждан мира". Среди последних вообще наибольшая доля тех, кто хотел бы иметь гражданство Германии. По-видимому, в их глазах, равно как и в глазах "европейцев", такое гражданство вряд ли может восприниматься как помеха столь специфическому мировоззрению, как космополитизм.

Выше мы отметили, что рассмотренный признак происхождения считается основным этническим определителем, и, исходя из этого, попытались проследить его роль в обсуждаемом контексте. Но каково же значение и, главное, влияние других этнических признаков, например языка, без чего, как часто подчеркивается, этничность нельзя признать полноценной? Ответом здесь, на наш взгляд, могут вполне послужить результаты обследования, полученные по следующим образом сформулированному вопросу: "Что в Вашей жизни напоминает Вам

НЕМЦЫ В УКРАИНЕ

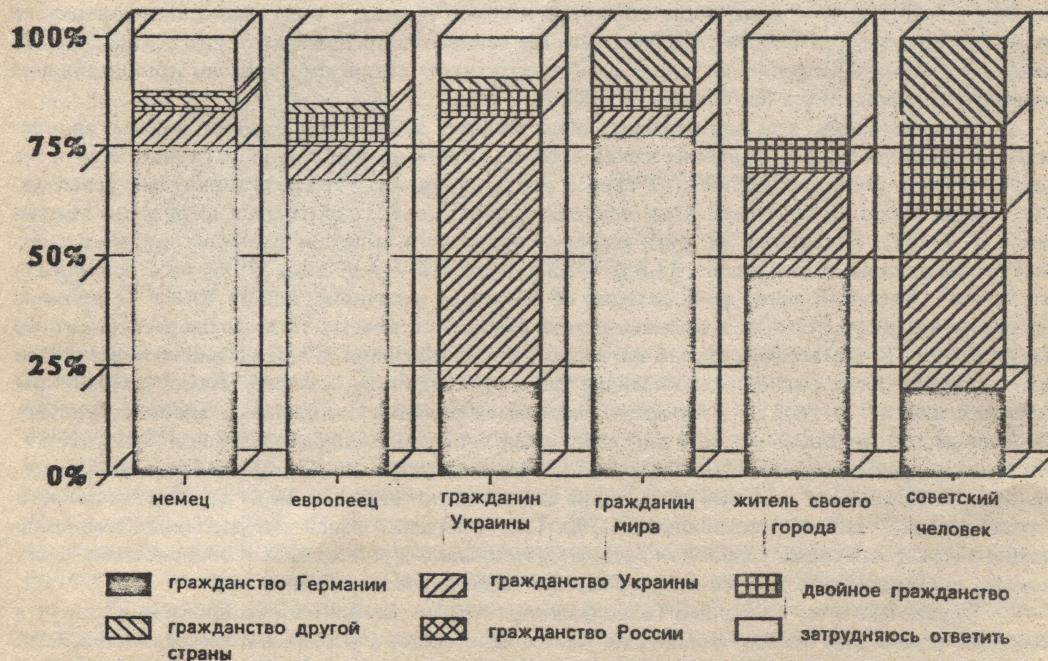
Вашу национальность?" Как выяснилось, это в практически равной мере язык и традиции. Ведь 41,6% ответивших респондентов указало, что лично им свою национальность напоминает то, что они придерживаются традиций и обычаев своего народа, и чуть меньше — 39,6% упомянули в данном качестве "язык общения в семье", для оставшейся четверти опрошенных (а именно 26,3%) подобную роль выполняет "изучение ими немецкой культуры". Так как из всех этих трех "напоминающих" признаков объективным, и, потому, наиболее эффективно фиксируемым остается, по существу, только язык, остановимся на связанных с ним показателях и соответствующих данных.

Таблица 3.

**Самоидентификация и желательное гражданство
(в % к ответившим):**

Тип самоидентификации	гражданство на выбор						
	Германии	Украины	двойное гражданство*	другой страны	России	затрудняюсь ответить	
немец	73,9	9,1	1,1	2,3	1,1	12,5	100
европеец	67,4	8,7	6,5	2,2	-	15,2	100
гражданин Украины	21,2	60,6	6,1	3,0	-	9,1	100
гражданин мира	77,8	5,6	5,6	11,1	-	-	100
житель своего города	46,2	23,1	7,7	-	-	23,1	100
советский человек	20,0	40,0	20,0	20,0	-	-	100
другое	100,0	-	-	-	-	-	100
затрудняюсь ответить	58,3	8,3	25,0	-	-	-	100

* гражданство Украины и иной (кроме Германии) страны

Итак, по первому и, очевидно, формальному языковому признаку полученная картина выглядит следующим образом: для 65,3% немецкого населения Украины родным языком является немецкий, для 31,0% — русский, для 13,1% — украинский; какой-либо другой

язык соответствует лишь 1,1% всех респондентов. Как видим, даже формально этнолингвистическая ситуация внутри немецкой группы выглядит далеко не самой благоприятной с точки зрения сохранения этнической культуры. Более трети немцев имеет в качестве родного язык другой этнической общности. Хотя, если принять во внимание специфические условия и историк многолетней политики бывшего советского государства в сфере языка, и, в частности, крайне маловыразительный статус языков национальных меньшинств на территории СССР, включая и УССР, то, возможно, указанное положение еще сравнительно благоприятно. Ведь на те же цифры можно посмотреть, как нам представляется, и иначе. Скажем, для абсолютного большинства немцев Украины, несмотря на десятилетия ассимиляционной практики по созданию так называемой "единой общности", родным языком остается язык именно своей этнической общности. Таким образом, можно сказать, что соответствующее этническое совпадение в данном случае налицо, а степень такого совпадения несложно сопоставить с аналогичными показателями других групп и даже наций в современном мире, чтобы убедиться в неоднозначности обсуждаемого положения.

Однако, мало-мальски оптимистические оценки в этом вопросе, при дальнейшем рассмотрении, похоже, приходят в противоречие с реальным положением дел. Не меньшее, если не большее, чем предыдущий, значение играет фактор реального функционирования языка. А здесь как раз сегодняшняя ситуация для немецкой общины Украины (впрочем также как и России, например) складывается сложнее, чем говорилось до сих пор. Например, гораздо более существенным выглядит то обстоятельство, что среди всех трех основных языков, которыми пользуются немцы Украины, немецкий занимает последнее место по степени свободного владения. Уже лишь 43,2% немецкого населения "наиболее свободно" владеют как раз немецким языком, гораздо большее число — 71,4% "наиболее свободно" владеют русским и слегка большее — 53,6% — украинским. Но, пожалуй, самым точным показателем реального языкового функционирования, особенно с учетом уже приведенных выше данных и опять-таки с точки зрения сохранения традиций, остается то, что мы называем "языком общения в семье". Оказывается, "только на немецком" чаще всего общаются в семье лишь 11,3%, в то время как исключительно русский используют уже 27,6%. Меньше используется в немецких семьях разве что только исключительно украинский язык — 7,6%, если не считать некие "другие" языки, отличные от перечисленных (1,1%). Правда, все-таки большая часть всех немцев — 52,4% — "чаще всего общается в семье", имея в виду язык, "по-разному, в зависимости от обстоятельств". Однако, есть все основания предположить уже сейчас, что эта квалифицированная прослойка имеет свою внутреннюю структуру, вряд ли принципиально меняющую изложенную популярность языков.

В то же время, как подтверждает обследование, языковому общению в семье принадлежит громадная роль в освоении языка вообще, особенно, как в нашем случае, если речь идет о группе, функционирующей в скорее неблагоприятных, чем благоприятных условиях. Так, среди знающих немецкий язык явное большинство тех, кто овладел им в родительской семье — 71,3%. Остальные же пути изучения немецкого выглядят слишком скромно: лишь 18,4% овладели языком в школе, 14,8% — на курсах, 9,0 — в ВУЗе, а 17,0% вообще выучили его "сами". Впрочем, когда речь заходит об обратном источнике знания языка — причине его незнания, то ответственность семьи в этом отношении почему-то сводится респондентами почти на нет. В частности, отвечая на вопрос, по какой причине они не владеют немецким языком, вновь явное большинство назвало уже такую причину, как отсутствие "условий для изучения языка" — 76,3%, в то время, как семья оказалась виновной в таком результате ("мои родители не знали языка") для всего лишь 14,0% немецкого населения. Получается, что главные факторы формирования такой негативной ситуации носили объективный характер, а от собственного желания здесь мало что зависело: ведь "не было заинтересованности в знании языка" только у оставшихся 9,7%. Таким образом, выше уже сделанная ссылка на специфические языковые условия, в которых развивалась в рамках СССР общность советских немцев, получает здесь полное подтверждение своей справедливости.

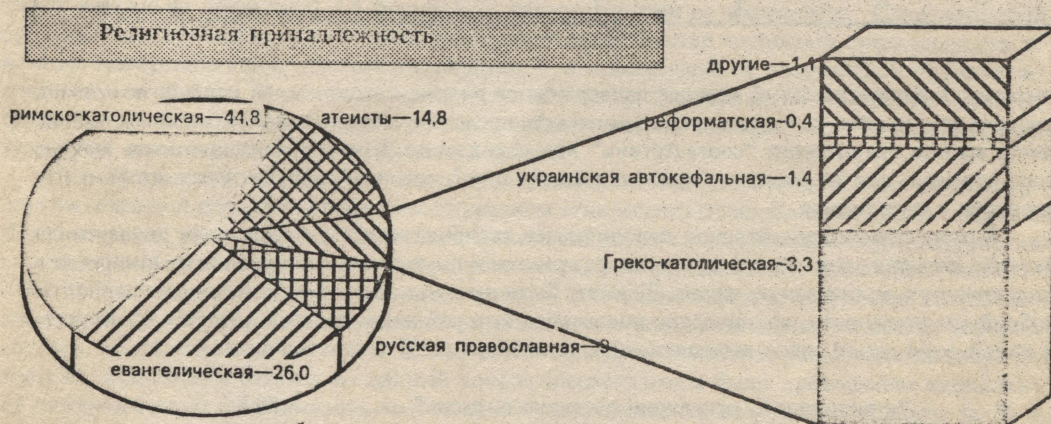
Трудно сказать, насколько более благоприятными для немецкого населения станут в языковом отношении последующие годы уже не советского, а украинского гражданства, если только, конечно, немцы как общность сохранят свое присутствие в Украине. Но внутри самой группы сейчас наблюдается то, чего, наверное, раньше никогда не могло наблюдаться (очевидно, потому, что до недавнего времени не могло идти и речи о массовом переселении советских немцев на свою историческую родину): практически вся группа охвачена желанием,

Таблица 4.

**Язык наиболее свободного владения и миграционные установки
(в % к ответившим):**

язык	нужно ждать	нужно уезжать	нужно работать	другое	ВСЕГО
немецкий	20,9	46,4	20,0	12,7	100
украинский	18,0	52,5	18,0	11,5	100
русский	13,4	51,9	20,9	13,9	100
другой	17,5	10,0	1,5	5,0	100

“если бы представилась возможность заняться языками”, “овладеть или улучшить знания немецкого”, а не “какого-либо другого языка”. По крайней мере, об этом заявляет 89% наших респондентов против 5,2%, выбравших в этом смысле другой язык, и 5,9%, предпочитающих вообще “этим не заниматься”. Возникает естественный вопрос, связано ли это, и если да, то насколько, с какими-либо миграционными установками? Не имея здесь возможности останавливаться на проблеме миграции как таковой (все это специально рассмотрено ниже), заметим, что проследить подобную взаимосвязь, как это ни парадоксально на первый взгляд, оказывается практически невозможно. Ибо, как недвусмысленно свидетельствуют приведенные в Таблице 4 перекрестные данные, независимо от того, каким языком, например, респонденты “наиболее свободно владеют”, их расклад по трем основным группам относительно миграции (“нужно переждать”, “нужно позаботиться об отъезде”, “нужно больше работать” — полностью альтернативы приведены в следующем разделе) существенно не меняется. “Уезжать” почти в равных пропорциях считают необхо-

димым все: и те, кто свободно владеет немецким языком, и те, кто свободно владеет не им, а, к примеру, русским и т. д. И наоборот, если человек считает, что “нужно не уезжать”, а, скажем, “больше работать”, то пропорции таковых внутри каждой из задействованных здесь лингвистических категорий примерно одинаковы или очень друг другу близки. Что касается кажущегося парадокса, то его первоначальное присутствие ничем иным, кроме как особенностями сегодняшних миграционных настроений среди постсоветских немцев объяснить нельзя. Как показано ниже, обстоятельства и причины, обуславливающие столь ощутимую привлекательность идей выезда или переселения, для этого достаточно серьезны и, главное, почти единодушно оцениваются как скорее долгосрочно, нежели временно действующие.

И, наконец, последний из затрагиваемых в настоящей работе этнических признаков — религия, также традиционно рассматриваемая в качестве одного из базовых индикаторов этничности. Как в случае с языком, аналитическое преимущество религиозного признака в удобствах фиксации и его иллюстративности. Поэтому, приведем сразу основные результаты обследования в этом направлении. Религиозная принадлежность, участвовавших в опросе немцев, выглядит так (в % к ответившим):

ЦЕРКОВЬ:

римско-католическая	44,8
евангелическая (лютеранская)	26,0
русская православная	9,0
греко-католическая (униатская)	3,3
украинская автокефальная	1,4
реформаторская (кальвинистская)	0,4
другие	1,1
ни к одной церкви не принадлежат	14,8

Таким образом, единого и более или менее ярко выраженного общего этнического определения в случае с религиозной принадлежностью обследуемых немцев мы, строго говоря,

Таблица 5.

Личная религиозная практика по религиозной принадлежности
(в % к ответившим):

ПРАКТИКА	римско-катол.	евангелисты	русск. правосл.	греко-католич.	укр.автокеф.
"посещаю церковь"	51,2	29,2	44,0	17,8	-
"не посещаю церковь"	20,7	18,1	24,0	11,1	25,0
"верю по-своему"	22,3	44,4	20,0	11,1	75,0
"не верю, но церковь имеет роль"	1,6	2,8	8,0	-	-
"не знаю, верю или нет"	2,5	-	4,0	-	-
ВСЕГО	100	100	100	100	100

не имеем. Зафиксированный перевес преверженцев римско-католической церкви, возможно, интересен сам по себе, но в исследуемом контексте представляется малопоказательным именно с точки зрения этнического "соответствия" или совпадения. Кроме того, значимость вообще такого явления, как формальная принадлежность к той или иной церкви, теми же рамками условности и ограничена.

В этом смысле существенно дополняющее значение имеет уже реальная религиозная практика, которая, как известно, может различаться по степени вовлеченности индивида в организованную религиозную жизнь. В анкете были предусмотрены нижеследующие варианты подобной вовлеченности, технические показатели которой вновь свидетельствуют об отсутствии какой-либо одной явно выделяющейся тенденции (в % к ответившим):

"я верующий, регулярно посещаю церковь"	36,8
"я верю в бога по-своему"	30,3
"я верующий, но церковь не посещаю"	18,8
"в бога не верю, но считаю, что церкви принадлежит важная роль"	6,1
"не могу сказать, верю я или нет"	3,6
"я не верующий, эти проблемы меня не интересуют"	1,4
"считаю, что религиозные учения ошибочны и вредны"	0,7
другое	2,2

Тем самым, налицо явно невысокая степень участия большей части немецкого населения в организованной религиозной жизни. А ведь как раз эта институализация религиозной активности членов общины и является одним из основных средств сплочения и всесторонней организации этнической группы. Впрочем, с указанных позиций гораздо больший интерес,

хотя бы гипотетически, могут представлять итоги сочетания общих использованных показателей, что раскрывало бы особенности лично практического отношения к религии по номинальной принадлежности к церкви. О том, насколько такие особенности имеют выпуклый характер, свидетельствуют данные Таблицы 5. Как видим, определенная разница в отношении к организованной церковной жизни ("посещаю/не посещаю церковь") между приверженцами различных церквей явно прослеживается. Так, тенденция к посещению церкви сильнее всего развита среди греко-католиков, в то время, как среди евангелистов удельный вес посещающих церковь заметно уступает удельному весу тех, кто вообще "верит в бога по-своему". Свою,

Таблица 6.

Этническая толерантность в семье по этническому происхождению супруга
(в % к ответившим):

ПРОИСХОЖДЕНИЕ	не имеет значения	имеет, но не решающее	причина конфликтов	порождает разобщенность	делает жизнь интересной	
немецкое	39,8	37,9	4,8	9,7	7,8	100
украинское	60,0	25,3	5,3	4,0	5,3	100
русское	43,6	36,7	3,6	7,3	9,1	100
другая национальность	28,0	52,0	8,0	8,0	4,0	100

несколько отличающуюся от общегрупповой, структуру здесь имеет и наиболее влиятельная среди обследуемых немцев церковь — римско-католическая, большинство приверженцев которой все же ее посещают, т.е. участвуют в деятельности ее институтов. Следовательно, реальная институализация религиозной активности, как фактор групповой организованности немцев, подвержена значительным колебаниям — в зависимости от религиозной принадлежности членов общины. В условиях, когда более или менее специфически "немецкая" религия среди немцев явно не доминирует, такие колебания только подчеркивают относительность указанной роли церкви в жизни общины в целом.

Этнические взаимоотношения и толерантность. Интерес к данной теме акцентируется выявленным и рассмотренным выше уровнем этнического сознания обследуемых немцев. Действительно, насколько этот уровень, высокий сам по себе, предопределяет умонастроения наших респондентов, что касается традиционно серьезной проблемы межэтнических отношений? Исследованию соответствующих позиций были подчинены, в частности, два специальных вопроса. Первый из них касался выяснения того значения, какое, на взгляд опрошенных, приобретает случай, если "семья состоит из представителей различных национальностей". Результаты ответов на данный вопрос (респондентам были предложены варианты, из которых нужно было выбрать только один) распределились следующим образом (в % к ответившим):

- "для отношений в семье это не имеет значения" 45,4
- "для отношений в семье это имеет определенное значение, но не является решающим" 35,7
- "нежелательно, т.к. это порождает разобщенность культурных интересов и традиций" 7,1
- "нежелательно, т.к. может быть причиной семейных конфликтов" 5,0
- "это делает жизнь семьи более интересной, обогащает духовно" 6,8

Соответственно, лишь незначительная часть — 12,1% наших респондентов — склонны в целом негативно оценивать межнациональный брак, видя в нем источник соответствующих конфликтов и культурного разобщения. Подавляющее же большинство — 87,9% — придержи-

живается противоположного (с небольшими изъятиями) мнения, что, при всей условности здесь каких-либо жестких выводов, явно говорит в пользу определенно высокого — на данном этапе — уровня этнической толерантности обследуемых немцев в целом.

Однако, примечательной особенностью в нашем случае выступает тот обнаруженный факт, что подобная толерантность не принципиально, но тем не менее заметным образом варьируется (усиливается или ослабевает) в зависимости от этнического происхождения супруга (супруги). Так, толерантность немецкого по происхождению респондента, как правило, несколько выше в случае, если его (ее) семья построена по типу смешанного брака. Особенно это характерно для тех немцев, супруг (супруга) которых имеет украинское происхождение. Ближе к последним, как выясняется, стоят и русские по национальности супруги. В то же время, если один из супругов не относится ни к первым, ни ко вторым (супруг другой национальности), благосклонность к смешанным бракам несколько падает, хотя и не приводит к каким-либо драматическим изменениям. В конкретных условиях Украины, последнее, очевидно, может быть связано с тем, что речь в таких “неукраинских” и “нерусских” случаях идет скорее всего о достаточно специфически воспринимаемых национальностях, всегда относимых на уровне обыденного сознания к разряду так называемых “национальных меньшин” (см. Таблицу 6).

Однако, отношение к происхождению супруга, как и в целом тип брака, по понятным причинам вряд ли может служить исчерпывающим показателем этнической толерантности вообще. В этом смысле гораздо более показательными представляются результаты обследования по второму вопросу, в котором в качестве вариантов ответа были предусмотрены такие позиции, как допуск представителей определенной национальности и вероисповедания в качестве: 1) членов семьи (по браку); 2) близких друзей; 3) соседей; 4) коллег по работе; 5) жителей вашего города; 6) посещающих ваш город; 7) “вообще не впускал бы в город” (конкретно, вопрос звучал так: “Я согласен допустить представителей данной национальности и вероисповедания в качестве...”).

Таблица 7.

Этническая толерантность: качество субъективного допуска представителей различных национальностей и вероисповеданий / Частотность упоминания качества допуска (в % к ответившим):

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ	“Я согласен допустить представителей данной национальности и вероисповедания в качестве”						
	членов семьи	близких друзей	соседей	коллег по работе	жителей города	посещающих город	вообще не пускал бы в город
украинец	58,6	58,6	55,5	50,0	43,7	32,8	-
русский	47,2	53,8	49,1	44,3	44,3	34,0	3,8
белорус	28,4	55,4	51,3	31,1	54,0	44,6	-
поляк	23,1	34,6	37,2	35,9	50,0	51,3	9,0
венгр	38,6	53,0	54,0	46,0	40,0	38,0	1,0
румын	9,7	27,4	30,6	27,4	46,8	67,7	8,1
молдаванин	19,7	28,8	31,8	27,3	47,0	57,6	6,1
еврей	13,3	33,3	37,3	37,3	62,7	41,3	9,3
цыган	4,2	11,1	18,1	13,9	30,6	45,8	40,3
литовец	15,6	29,9	37,7	31,2	49,3	59,7	3,9
армянин	9,1	24,7	29,9	28,6	41,6	58,4	15,6
азербайджанец	2,8	18,1	22,2	22,2	33,3	51,4	30,6
крымский татарин	2,7	19,2	31,5	19,2	38,4	46,6	17,8
узбек	4,6	24,6	29,2	30,8	43,1	56,9	15,4
гурок	3,0	22,7	37,9	34,8	40,9	47,0	15,1
американец	27,8	46,8	40,5	53,2	41,8	45,6	1,3
англичанин	28,7	45,0	38,7	48,7	42,5	47,5	1,2
японец	1,3	26,5	35,3	50,0	45,6	52,9	1,5
африканец	3,0	19,4	25,4	20,9	37,3	64,2	13,4
француз	28,9	40,8	47,4	52,6	47,4	47,4	-

НЕМЦЫ В УКРАИНЕ

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ	"Я согласен допустить представителей данной национальности и вероисповедания в качестве"						
	членов семьи	близких друзей	соседей	коллег по работе	жителей города	посещающих город	вообще не пускал бы в город
немец ФРГ	18,3	55,0	45,0	42,5	40,8	40,8	-
американский негр	4,2	22,2	19,4	19,4	36,1	54,2	25,0
"советский немец"	83,8	58,3	52,3	43,2	37,9	31,8	-
ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ ЦЕРКВИ							
римско-католической	72,2	59,3	63,0	48,1	37,0	30,6	-
евангелистской	65,5	51,7	44,8	39,1	41,4	35,6	-
украинской православной	50,7	50,7	56,0	37,3	50,7	44,0	-
украинской автокефальной	24,6	47,5	60,7	39,3	52,5	47,5	4,9
греко-католической	40,3	37,7	46,8	41,6	51,9	44,2	2,6
иудейской	12,1	32,8	44,8	37,9	67,2	50,0	10,3
неверующий	30,4	46,4	43,5	40,6	73,9	46,4	2,9
верующий	36,8	60,5	48,7	38,2	57,9	44,7	-

Примечание: респондент мог указать любое количество позиций — вариантов качества допуска для каждой категории объекта (лиц того или иного происхождения)

Не будем отдельно комментировать выявленные тенденции отношения обследуемых немцев к представителям конкретных национальностей и вероисповеданий — отношения, столь очевидного при внимательном знакомстве с данными Таблицы 7. Наиболее здесь существенным представляется именно зафиксированный факт, во-первых, дифференцированного отношения (т.е. того же допуска) к этническим группам и нациям, и, во-вторых, дифференцированного допуска уже в пределах этих групп и наций (в обоих случаях первостепенное значение имеют показатели крайне левой и крайне правой колонок таблицы). Такой факт недвусмысленно указывает на явно неравномерное распределение "по объектам" исследуемой этнической толерантности. Характерные здесь изъятия или, наоборот, предпочтения возможно имеют более или менее расхожее объяснение, но не менее расхожим следует признать положение, когда субъективное отношение к лицам иного, чаще всего внешне отличимого происхождения, базируется на стереотипах, и именно таких, которые, как видно в нашем случае, имеют своего рода универсальное международное (т.е. не специфически этническое) применение. Что касается обследуемых нами немцев, то обращает на себя внимание четко просматриваемое предпочтение ориентироваться прежде всего на внутригрупповые связи в вопросах, например, создания семьи. В какой-то мере последнее приходит в противоречие с рассмотренными выше показателями этнической толерантности непосредственно в семье. Но все это, на наш взгляд, скорее всего объясняется тем простым обстоятельством, что предложенный в том случае известный демократизм, оказывается на практике вовсе не отменяет возможности иметь предпочтения, особенно когда существует столь наглядное приглашение выбирать. В той анкете, которая была использована в обследовании, этот выбор, как видно из той же таблицы, выдался действительно широким и наглядным.

ЭТНИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. Общеизвестно, что данный аспект представляет собой одну из важнейших характеристик жизнедеятельности или, точнее, жизнеспособности этнической группы. Действительно, от уровня организации в значительной мере зависит на практике все то, что так или иначе связано с существованием этноса как коллектива, а не механической совокупности лиц определенного этнического происхождения. С другой стороны, институализация группы (т.е. наличие и развитость соответствующих организаций) является следствием развития индивидуальной этничности и в этом смысле отражает качество характерных для группы в целом основных этнических признаков. Рассмотрев последние выше, мы теперь при изучении особенностей организационной жизни обследуемых немцев имеем, таким образом, возможность существенно дополнить картину положения и перспективы развития данной этнической общности как более или менее устойчивого социального организма.

Вместе с тем, говоря об организационной жизни немцев в Украине, следует учитывать, что для "советских" этнических групп (как в рамках Украины, так и других бывших союзных

республиках) сама институализация — явление относительно новое и потому еще только набирающее силу. Вот почему одним из первых и пробных вопросов темы этнической организации в нашем исследовании стал вопрос информированности самих немцев относительно существования организаций собственной группы. То, в поле зрения какого количества членов группы находится ее институты, к стати говоря, также характеризует современное состояние немецкой этничности в Украине, ведь для представителей многих других этнических групп сегодня свойственно скорее отсутствие, нежели наличие какого-либо знания о соответствующих организациях. Так или иначе, обследование показало, что информированность немцев в данном отношении почти безупречна: о существовании организаций, объединяющих немцев, которые проживают в Украине, знают 95% всех ответивших респондентов.

Каково же их собственное отношение к деятельности этих этнических организаций? Как выяснилось, оно тоже приближается к тому, что мы назвали “безупречным”. Соответствующие оценки носили подавляюще одобрительный характер: “положительное” отношение — 68,7%, “скорее положительное, чем отрицательное” — 17,2%, “отношусь равнодушно” — 3,8%, “скорее отрицательное, чем положительное” — 1,9%; “затрудняюсь ответить” — 8,4%, а вот “отрицательное” отношение не было зафиксировано вообще. Впрочем, наиболее интересным итогом здесь, на наш взгляд, является отсутствие не столько определенных отрицательных оценок, сколько почти полное отсутствие того, что именовалось “равнодушием”.

Однако, тот факт, что деятельность немецких этнических организаций не оставляет в стороне общину в сугубо эмоциональном плане, конечно же еще не говорит о тождественности ситуации в плане практическом, т.е. об участии в этой деятельности именно масс. Проверить такую возможность было несложно с помощью непосредственного вопроса о личном участии респондентов, которое они когда-либо принимали в “мероприятиях, проводимых этими организациями”. Как следовало ожидать, планка единения на сей раз заметно снизилась — примерно треть респондентов участия не принимала, но в целом же масштабы участия оказались довольно таки высокими. Во всяком случае, трудно использовать приставку “всего” применительно к показателю 2/3 от всей массы опрошенных. Скорее так следовало бы говорить о явном меньшинстве, в котором находятся те, кто “не участвовал”. В то же время, зафиксированное соотношение не дает представления о реальных масштабах участия в немецких организациях, не говоря уже о его уровне, так как неучтенной остается качественная сторона такого участия.

В этом плане результаты ответов респондентов на следующий вопрос вносят искомую определенность. Когда речь заходит о конкретной периодичности и активности личного участия в мероприятиях немецких организаций, о которых, напомним, известно почти всем немцам и к деятельности которых подавляющее большинство из них относится явно или скорее положительно, то указанная выше основная масса сразу распадается на несколько мелких. Но ни одна из них при этом своей весомостью не выделяется. Например, “случайностью” свое личное участие назвали 10,6% ответивших на этот вопрос, участвовавших “время от времени” оказалось уже почти в 3 раза больше — 30,8%, “более или менее регулярным” и “достаточно частым” стало участие для соответственно 19,2% и 20,7%, в то время как оставшиеся 18,6% смогли сказать о себе, что они “активно работают в подобной организации”. Даже если объединить достаточно близкие друг другу позиции “регулярно” и “достаточно часто” в одну, а затем то же самое сделать в отношении позиций “случайность” и “время от времени”, то полученная структура сохранит в себе прежнюю сбалансированность в целом: количество редко участвующих уравнивается количеством постоянно участвующих, а количество активистов-работников соответствующих организаций отнюдь не выглядит на фоне каждого из этих двух потоков чем-то микроскопическим. Иными словами, ярко выраженной тенденции участия в своих организациях у обследуемых нами немцев не наблюдается. Тем не менее, все это совсем не отменяет очевидного и в данном случае достаточно высокого уровня участия, если исходить из той статистики, что большая часть вообще участвующих (а это, как мы выяснили: абсолютное большинство всей группы) участвовали постоянно либо активно работали в самих организациях. Элементарное сравнение всех этих показателей с тем, что может быть зафиксировано, например, по другим этническим группам той же Украины (по всем эмпирическим наблюдениям, немногие из них могли бы сегодня претендовать на подобную организационную активность своих масс) позволило бы, по нашему убеждению, еще выше оценивать указанный уровень участия, но при нехватке соответствующих данных подобное остается только предполагать.

Возвращаясь же к немцам, в заключение разговора об организационной стороне их жизнедеятельности, стоит упомянуть об одном, на наш взгляд, любопытном обстоятельстве, которое открылось в результате исследования. Оказывается, среди тех, кто занимает высшие ступени в нашей иерархии — “участвующих часто” и “активно работающих”, заметно больше, чем среди участвующих “время от времени”, доля тех, кому “приходилось сталкиваться со случаями притеснения на национальной почве”. Кроме того, среди последних, т.е. “дискриминируемых”, упомянутые “активные” работники и “постоянные” участники встречаются в два раза чаще, чем среди тех, кто с дискриминацией не сталкивался (см. Таблицу 8). Таким образом, лично ощущаемая дискриминация может вполне выступать одним из факторов повышения активности участия в этнических институтах. Ведь создание и функционирование последних, собственно говоря, всегда выступало своеобразной защитной реакцией на этническую дискриминацию.

ЭТНИЧЕСКАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА. Что касается оценок самого явления, то проблему следует разделить на две части: во-первых, на то, что выше уже упоминалось как лично оцениваемая дискриминация (персональная дискриминация) и, во-вторых, то, что связано с дискриминацией этнических меньшинств в целом. Рассмотрим последовательно позиции наших респондентов в каждом из этих двух направлений. В частности, на вопрос о том, “приходилось ли Вам лично сталкиваться со случаями притеснения

Таблица 8.

Периодичность участия в этнических организациях и лично ощущаемая этническая дискриминация. (в % к ответившим).

УЧАСТИЕ	“Приходится ли сталкиваться со случаями притеснения на национальной почве?”						
	да		нет		затрудн. отв.		
случайное	85,0	13,7	-	-	15,0	16,7	100
время от времени	46,5	21,8	37,9	47,8	15,5	50,0	100
регулярное	61,1	17,7	36,1	28,3	2,8	5,6	100
достаточно часто	76,9	24,2	17,9	15,2	5,1	11,1	100
активная работа в организации	80,0	22,6	11,4	8,7	8,6	16,7	100

на национальной почве”, число утвердительных ответов превысило в 2 раза число отрицательных (61,3% против 28,5 % соответственно при 10,2% “затрудняющихся ответить”). Казалось бы, основная тенденция явно налицо: большинство лично ощутило либо ощущает на себе дискриминацию. Однако, как и в случае с участием в мероприятиях этнических организаций, более существенно то, как часто респондент с такой дискриминацией сталкивался в своей практике. И вот здесь баланс несколько меняется: большинство (57,8%) все же испытывало дискриминацию “редко”, против тех, кто испытывал ее “часто или постоянно” (42,2%). Интересно также и то, что чаще всего лично на себе дискриминацию обследуемые немцы ощущали “на работе” и в так называемом “общественном месте”, и реже — “при общении с различными, в том числе государственными организациями”, а так же в отношениях “с соседями”.

Теперь посмотрим на то, как оценивается проблема дискриминации шире — применительно к обществу и стране в целом (общественная дискриминация). Прежде всего, респондентам было предложено ответить на вопрос, существует ли, на их взгляд, в сегодняшней Украине такая проблема, как “дискриминация национальных меньшинств”. Оказалось, что по мнению пусть и относительного, но большинства (41,8%), проблема все же существует. в то время, как почти 1/3 ответивших (28,5%) так для себя этого и не определила, а для оставшихся 23,7% проблемы не существует. Сравнивая эти данные с теми, что были получены по поводу персональной дискриминации, становится очевидным, что для определенной части немцев в Украине скорее всего свойственно не делать из каких-либо частных, пусть и ощущаемых лично на себе случаев притеснения, выводов о наличии проблемы в обществе в целом.

По крайней мере, присутствие персональной дискриминации, похоже, мало или почти не связывается с проводимой украинским государством этнонациональной политикой, как это ясно видно из перекрестных данных Таблицы 9. Например, как это ни странно, среди тех, кто "весьма положительно" оценивает политику государства в национальном вопросе, удельный вес дискриминируемых "часто/постоянно" выше не только по сравнению с теми, кто ее испытывает "редко" (хотя в целом картина, как мы выяснили, обратная), но и с теми, кто признает себя "часто/постоянно" дискриминируемыми среди политических оппонентов, т.е. оценивающих такую государственную политику отрицательно.

В то же время, если взять за признак восприятия уже степени общественной дискри-

Таблица 9.

Периодичность персональной дискриминации и оценка государственной этнополитики Украины (в % к ответившим):

Оценка государственной политики	"Как часто приходится сталкиваться с дискриминацией?"		
	часто / постоянно	редко	
весьма положительная	63,6	36,7	100
скорее положительная, чем отрицательная	31,1	68,9	100
отрицательная	47,1	52,9	100
затрудняюсь ответить	51,5	48,5	100

минации, то, забегая несколько вперед, можно подчеркнуть, что здесь между оценкой государственной этнополитики и оценкой степени общественной дискриминации прямая зависимость явно прослеживается. Так, по данным опроса подавляющая часть негативных оценок этнополитики принадлежит как раз тем, кто считает, что "проблема дискриминации национальных меньшинств" существует "в значительной степени", либо "в незначительной, но существует вероятность усиления дискриминации". И наоборот, положительная оценка государственной этнополитики чаще всего встречается у тех немцев, кто, имея в виду проблему дискриминации (в общественном плане), придерживается столь безапелляционного мнения, как то, что "в Украине это исключено" (Таблица 10). Что же касается структуры восприятия степени общественной дискриминации в целом по группе, то преобладание в этом восприятии явно квалифицированных, неоднозначных мотивов ("в незначительной степени, но есть ве-

Таблица 10.

Восприятие степени общественной дискриминации и оценка государственной этнополитики Украины (в % к ответившим):

Степень дискриминации	Оценка государственной политики									
	весьма положи- тельная		скорее положи- тельная		отрицательная		затрудняюсь ответить			
в значительной степени	20,8	28,1	37,8	17,0	33,3	44,1	8,9	11,4	100	22,4
в незначительной степе- ни, но есть вероятность усиления	10,3	34,3	53,3	57,0	15,9	50,0	20,6	62,9	100	53,2
практически отсутствует	17,9	15,6	64,3	18,0	-	-	17,9	14,3	100	13,9
в Украине это исключено	33,3	21,9	38,1	8,0	9,5	5,9	19,1	11,4	100	10,5
ВСЕГО	15,9	100	49,8	100	16,9	100	17,4	100		100

роятность усиления..."), судя по всему отражает общую сдержанность немцев, равно как и

многих других этнических меньшинств в Украине, в оценках перспектив решения проблемы, особенно в известных современных условиях.

Кроме всего этого представляется существенным выделить следующее обстоятельство, связанное уже с качеством восприятия государственной этнополитики. Похоже, проблема дискриминации, есть она на практике в Украине или нет, вообще не воспринимается как нечто, что должно входить в круг забот этнополитики со стороны государства. Ведь как иначе можно объяснить то противоречие, что почти половина (41,8%) склонна признать существование проблемы дискриминации национальных меньшинств в Украине, но всего лишь около 17% оценивают ее отрицательно, на фоне того, как двое из трех — положительно или “скорее положительно, чем отрицательно” (Таблица 10). Столь высокая оценка усилий государства в этой области при одновременном фактическом признании проблемы дискриминации меньшинств скорее всего свидетельствует об отсут-

Таблица 11.

Степень удовлетворенности развитием демократии в Украине по признанию проблемы общественной дискриминации национальных меньшинств (в % к ответившим):

СТЕПЕНЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ	“Существует ли в Украине проблема дискриминации национальных меньшинств?”			
	да	нет	затрудн. ответить	
(-5) Неудовлетворенность	18,4	13,7	7,8	100
(-4)	66,7	9,1	24,2	100
(-3)	40,8	24,5	34,7	100
(-2)	61,1	5,6	33,3	100
(-1) безразличие	41,4	26,3	26,3	100
(+1)	14,3	42,9	42,9	100
(+2)	-	40,0	60,0	100
(+3)	15,8	36,8	47,4	100
(+4) удовлетворенность	30,0	30,0	40,0	100
(+5)	27,3	63,6	9,1	100

ствия у значительной части респондентов четкого представления о предмете и особенностях “государственной национальной политики”. К такому выводу косвенно подталкивают результаты ответов на вопрос, в ходе которого респондентам было предложено на специфической шкале обозначить степень своей удовлетворенности тем, “как демократия развивается в Украине”.

Согласно полученным в итоге данным, наиболее популярным ответом (каждый пятый) стала крайняя “неудовлетворенность”, а если отбросить градацию — чуть меньше 2/3 (62,3%) заявили в целом о своей неудовлетворенности против почти ровно 1/3 (32,2%), заявивших о противоположном, т.е. удовлетворенности. Следовательно, негативное отношение к тому развитию демократии, которое наблюдается в стране, налицо. Но самое существенное в нашем контексте заключается, видимо, в том, что между оценкой развития демократии и признанием проблемы этнической дискриминации в Украине существует прямая зависимость: чем больше степень неудовлетворенности демократией, тем значительнее прослойка тех, кто считает, что проблема дискриминации действительно существует, и, наоборот, самый большой удельный вес не признающих проблему дискриминации обнаруживается как раз на высоких степенях удовлетворенности демократией, а таковых — явное меньшинство (Таблица 11). Поэтому, высказанное мнение по поводу государственной этнополитики либо совершенно непоказательно с точки зрения реальной оценки проблем этнического развития страны, либо явно не увязывается с действительным состоянием демократии в сегодняшней Украине, что в принципе одно и то же. В таком случае напрашивается вывод о том, что предпринимаемые усилия украинского государства в сфере регулирования этнической жизни и межнациональных отношений скорее всего еще пока не нашли адекватных оценок со стороны немецкой общины Украины.

МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ

Как известно, вынесенный в данный подзаголовок вопрос стал в последнее время наиболее актуальным и, похоже, определяющим в любой общественно заметной дискуссии относительно судьбы немцев на территории бывшего Советского Союза. Собственно, главный интерес к немецкой теме, столь широко выраженный средствами массовой информации, похоже сегодня как раз и сводится к выяснению перспектив переселения немецкого по происхождению населения. При всех особенностях официальных государственных планов решения немецкой проблемы в рамках нынешнего СНГ, и в Украине в частности, среди наблюдателей и специалистов существует практически единодушное убеждение в общей направленности миграционных установок самих немцев — ориентации на переезд на другое постоянное место жительства не в пределах СНГ, а за его пределами, т.е. как правило, на переезд на территорию своей исторической родины. Согласно тем же информационным источникам, в таком подходе убеждают настроения, доминирующие в самой немецкой среде (и, в частности, внутри немецких этнических организаций и обществ), будь то Украина, Россия или другие страны бывшего СССР.

Учитывая все эти обстоятельства и предполагая действительную серьезность перспектив массовой немецкой эмиграции на Запад, в данном исследовании была специально предусмотрена возможность попытаться детально проследить, насколько подобные опасения могут подтверждаться существующими умонастроениями среди проживающих на Украине немцев. На фиксацию именно миграционных установок было направлено несколько вопросов, ответы на которые, на наш взгляд, как раз и позволяют судить о реальности проблемы. В то же время, ни один из таких вопросов не содержал в себе формулировок, непосредственно упоминающих "иммиграцию в Германию" (именно в Германию) как одну из предложенных альтернатив. Таковое, по существу, было заложено внутри либо более общих ("хотели бы жить в развитой капиталистической стране"), либо "специализированных" (немецкое гражданство) ответов.

Итак, своего рода главным наводящим в этом смысле стал вопрос об отношении респондентов к возможности работы и жизни за рубежом. Больше половины ответивших на этот вопрос, как выясняется, либо "хотели бы постоянно жить в одной из развитых капиталистических стран" (38,4% ко всем ответившим), либо хотели бы выехать на длительное время (сроком более 3-х лет) для работы за рубежом" (21,6%). Еще 14,5% ответивших предпочли бы "выехать в командировку, на временную работу (обучение)". Оставшиеся — и это в общей сложности менее четверти опрошенных — включили в себя тех, кто "выезжать за границу" намерений не имеет, а только "хотел бы поработать на совместном предприятии в своем городе" (4,9%) или не желает "ни выезжать, ни работать на зарубежную фирму" (5,2%) или просто предпочитает нечто "другое", т.е. отличное от предложенных вариантов (3,4%); помимо этого, почти каждый десятый (9,3%) вообще так и не нашел среди них для себя ни одной альтернативы ("затрудняюсь ответить"). Интересно также, что ни один респондент не высказал желания "постоянно жить за пределами Украины в одной из республик бывшего СССР", зато были и такие, кто "хотел постоянно жить в другой развивающейся

Таблица 12.

Выбор гражданства по иммиграционным установкам в связи с экономическим положением в Украине

ГРАЖДАНСТВО	нужно уезжать	нужно работать	нужно ждать	другое
Германии	71,6	47,5	48,6	61,9
Украины	11,2	37,5	31,4	9,5
двойное гражданство	3,0	10,0	5,7	14,3
другие страны	4,5	-	2,9	4,8
Россия	0,7	-	-	-
затрудняюсь ответить	9,0	5,0	11,4	9,5
ВСЕГО	100	100	100	100

стране" (2,6%). Таким образом, общая ориентированность немецкого населения на Запад, похоже, вырисовывается достаточно четко и в этом смысле подтверждает известные ожидания. В то же время, оценивая данный факт, нельзя не учитывать, что подобные прозападные ориентации в сегодняшней Украине, как и в целом по государствам бывшего СССР, во всевозрастающей степени становятся характерными вообще для всего полиэтнического по происхождению населения бывших советских республик. С этой точки зрения, позиции, доминирующие в собственно немецкой этнической среде, вряд ли могут быть признаны уникальными — по сравнению с другими этническими сообществами той же Украины, по крайней мере на данном уровне спецификации ("уезжать-не уезжать, работать или жить за рубежом").

В этом отношении более точным отражением специфически "немецкой" позиции, по-видимому, могут служить полученные результаты ответов на вопрос о желательном гражданстве. Итоговые данные здесь выглядят следующим образом (сам вопрос звучал так: "Если бы Вам предоставилась возможность выбора гражданства, что бы Вы предпочли?") (в %): -

быть гражданином Германии	61,3
быть гражданином Украины	18,3
иметь двойное гражданство (Украины и какой-либо	
другой страны)* ;	5,4
быть гражданином России	0,4
быть гражданином иной республики бывшего СССР	0
быть гражданином другой страны	3,3
затрудняюсь ответить	11,2

Приведенные цифры, на наш взгляд, вполне красноречивы. Впрочем, их можно косвенно "проверить" с помощью еще одного связанного с миграционными установками вопроса, но сформулированного в анкете в категориях социально-экономического плана: "Экономическое положение в нашей стране резко ухудшается. С какими высказываниями в этой связи Вы могли бы согласиться?" Как и следовало ожидать, явный перевес оказался на стороне тех, кто оценивает перспективы экономического развития для себя, как минимум, пессимистически. Ведь более половины (54,3%) ответивших на вопрос считают, что "в этой стране ничего хорошего быть не может, правы те, кто вовремя позаботился об отъезде". И наоборот, лишь 20,8% убеждены, что чем больше они будут работать, тем лучше они будут жить и что "надо подыскать дополнительный заработок". Еще меньше (14,1%) настроены ждать "несколько лет, потуже затянув пояс", в то время, как почти столько же (10,8%) предпочли нечто другое всем указанным вариантам. Закодировав последние соответственно как: 1) "нужно уезжать", 2) "нужно ждать", 3) "нужно работать", рассмотрим теперь перекрестные данные по двум

* кроме Германии

последним вопросам (о гражданстве и установки в связи с экономическим положением в стране).

Как видно из Таблицы 12, независимо от установок ("уезжать", "ждать", "работать"), большинство в каждой из этих условных групп предпочло бы иметь гражданство Германии, т.е. при всех нюансах проблемы совпадения гражданства и местожительства в сегодняшних условиях, очевидно, речь идет о физическом переселении, только благодаря которому такое гражданство становилось бы возможным.* В любом случае, явно обращает на себя внимание тот факт, что почти половина даже тех, кто считает необходимым "больше работать", или просто "ждать", т.е. тех, кто пока намерен остаться — при наличии какой-либо подходящей возможности все же выбрал бы не местное, а германское гражданство.

Кажущийся парадокс может быть легко снят, если учитывать известную разницу между действительно реальным, практическим смыслом альтернативы — (что нужно, на взгляд респондента, делать в указанной ситуации), с одной стороны, и достаточно абстрактным предпочтением (какое гражданство ему вообще бы хотелось иметь) — с другой. Скорее всего, альтернатива, связанная с выбором гражданства Германии, обладает в сознании обследуемых немцев достаточно сильной и стабильной притягательностью, но, по определенным причинам, остается пока еще отдаленной практически, например, как своего рода последний шанс, который потом можно было бы использовать.

Дополнительный свет на подобную зависимость проливают перекрестные данные, приведенные в Таблице 13, где в качестве признака желательного гражданства выступают уже ответы на вопрос, что именно было предпринято респондентом в связи с ухудшением условий жизни в Украине. По сравнению с тем, что было зафиксировано выше, тенденция не просто повторяется, но и заметно усиливается. Характерный вновь всем выделенным группам перевес сторонников приобретения германского гражданства над остальными колеблется уже в соотношении от 3:1 (для тех, кто "стал экономить") до 6:1 (для тех, кто "открыл свое дело"). Последний показатель особенно примечателен. Как показал опрос, с ростом деловой активности и предприимчивости граждан укрепляется осознание желательности именно германского гражданства, обеспечивающего, по всей видимости, соответственно, более привлекательные условия, чем те, которые дает нынешнее гражданство даже занятым высокооплачиваемой работой и в сфере частного бизнеса.

Хотя удельный вес последних в общей условной группе немцев, высказывающихся за приобретение гражданства Германии, сам по себе невелик: 9,9% приходится на тех, кто "открыл свое дело", а 10,6% — на тех, кто "поменял работу на более высокооплачиваемую" (что на практике в условиях Украины сегодня, как правило, означает уход в сферу предпри-

Таблица 13.

Выбор гражданства по предпринятым личным действиям в связи с ухудшением экономической ситуации в Украине (в % к ответившим):

ГРАЖДАНСТВО	действия				
	стал экономить	ничего	высокооплачиваемая работа	открыл дело	другое
Германии	57,1	59,8	62,5	87,5	57,1
Украины	21,4	17,1	16,7	12,5	21,4
двойное гражданство (Украины и...)	6,1	3,7	12,5	-	7,1
другой страны	4,1	2,4	-	-	14,3
России	-	1,2	-	-	-
затрудняюсь ответить	11,2	15,6	8,3	-	-
ВСЕГО	100	100	100	100	100

* Украина, как известно, в отличие от ряда развитых стран, не признает института двойного гражданства для своих граждан, т.е. проживающих сегодня на территории Украины.

Таблица 14.

Выбор гражданства по оценке государственной национальной политики Украины (в % к ответившим)

ГРАЖДАНСТВО	оценка политики			
	положит.	скорее положит.	отрицат.	затрудн. ответить
Германии	48,7	58,3	78,4	64,2
Украины	35,9	18,5	5,4	15,1
двойное гражданство	7,7	4,6	5,4	5,7
другой страны	-	1,8	8,1	5,7
России	-	-	-	1,9
затрудн. ответить	7,7	16,7	2,7	7,5
ВСЕГО	100	100	100	100

нимательства и частный бизнес). Большинство же желающих стать гражданами Германии либо просто “стали больше экономить” (39,4%), либо вообще “ничего особенного не приняли” (34,5%).

Впрочем, подобная раскладка достаточно объективна, и с небольшими отклонениями в целом соответствует как общегрупповым, так и общенациональным показателям занятости, независимо от предпочитаемого гражданства или каких-либо иных политических признаков. Затронувший Украину в ходе и после распада СССР экономический кризис действительно стал всеохватывающим как в институциональном, так и в социальном планах. Соответственно, резкое ухудшение экономической ситуации в стране сопровождается дальнейшим ухудшением условий жизни в более или менее равной мере для всех этнических, включая, конечно же, немцев, сообществ Украины. Очевидно, выбор гражданства такой страны как Германия для тех, кто по крайней мере уже теоретически располагает всеми необходимыми для этого возможностями, представляется предпочтительным всем другим уже хотя бы с упомянутого сугубо социально-экономического угла зрения. О том, что в формировании указанных постросий главенствующая роль явно принадлежит факторам, мало или совсем не связанным, например с политикой, свидетельствуют данные Таблицы 14. Здесь же мы хотели обратить внимание на показательность того, как сами немцы объясняют нынешнюю иммиграцию своих этнических сограждан в Германию. Приведенные ниже данные подтверждают действие прежде всего экономических мотивов в противовес тем же политическим или даже этнокультурным и т.д. Конкретно, специальный вопрос звучал так: “Вы, наверно, знаете, что многие “советские” немцы переезжают на постоянное место жительства в ФРГ. Как Вы думаете, что толкает их на это?” В результате, наиболее часто упоминаемыми мотивами оказались следующие (можно было выбрать не более 2-х вариантов):

- неуверенность в завтрашнем дне 36,5%
- ухудшение условий жизни в бывшем СССР 35,1%
- высокий уровень жизни в Германии 24,5%
- желание вернуться в естественную культурную среду 23,8%
- желание воссоединить семьи 22,0%
- высокий уровень социальной защиты в Германии ... 17,7%
- отсутствие автономного национального образования 13,5%
- дискриминация на национальной почве 10,3%

Нетрудно заметить, что первые места в этой иерархии действительно принадлежат мотивам, которые при всей комплексности связанных с ними проблем упираются так или иначе в одно — социально-экономические условия. Находящееся же где-то в середине списка “желание вернуться в естественную культурную среду”, как видим, все-таки уступает желанию иметь более “высокий уровень жизни”, обеспеченный, по мнению респондентов, прожи-

ванием в той самой “естественной культурной среде” Германии. В этой связи интересной представляется корреляция между показателями иммиграционных установок и этнического самосознания, что становится возможным при перекрещивании данных по таким вопросам, как 1) иммиграционные установки в связи с экономическим положением в Украине; 2) роль этнического происхождения. (Последнее определялось с помощью нескольких вопросов. В данном случае предлагается вопрос со следующей формулировкой: “Многие утверждают, что человека характеризует его национальность (этническое происхождение). В какой степени Вы с этим согласны?”)

Беглого взгляда по горизонталям Таблицы 15 вполне достаточно для того, чтобы убедиться в простом факте: если респондент настроен уезжать (варианты — “остаться и ждать или работать”), он настроен уезжать независимо от той роли, какую он же приписывает этническому происхождению. Иными словами, результаты обследования здесь наглядно де-

Таблица 15.

Иммиграционные установки по оцениваемой роли этнического происхождения (в % к ответившим):

Иммиграционные установки	“этническое происхождение характеризует человека”				
	полностью согласен	частично согласен	зависит от ситуации	не согласен	затрудняюсь ответить
нужно ждать	9,1	17,4	19,0	-	23,5
нужно уезжать	62,1	53,2	47,6	46,7	58,8
нужно работать	22,7	14,7	23,8	40,0	11,8
другое	6,1	14,7	9,5	13,3	5,9
ВСЕГО	100	100	100	100	100

монстрируют: большинство, как тех, кто “полностью согласен” с тем, что национальность в первую очередь характеризует человека, так и тех, “кто не согласен”, равно как и умеренных (“частично согласен” или “зависит от ситуации”), считают, что нужно все-таки уезжать. При этом перевес “уезжающих” над теми, кто считает, что “нужно работать” измеряется в пропорциях от 3:1 до 2:1 для всех категорий этнически “сознательных” и “несознательных” респондентов.

Аналогичное отсутствие зависимости иммиграционных установок от этнического фактора наблюдается и при других измерениях — например таковых, результаты которых отра-

Таблица 16.

Иммиграционные установки по признаку свободного владения языками.

иммиграционные установки	Языки, которыми наиболее свободно владеют			
	немецкий	украинский	русский	другие
нужно ждать	20,9	18,0	13,4	17,5
нужно уезжать	46,4	52,5	51,9	70,0
нужно работать	20,0	18,0	20,9	7,5
другое	12,7	11,5	13,9	5,0
ВСЕГО	100	100	100	100

жены в Таблицах 16 и 4. Остановившаяся здесь, в частности на соответствующих данных по языковому признаку, выделим лишь главное в обсуждаемом отношении обстоятельство: свободное владение наших респондентов немецким языком по существу ничем не отличает их — в смысле иммиграционных настроений — от остальных, кто немецким не владеет, а

также тех, кто владеет, например, украинским или русским языками. Более того, итоги обследования показывают, что среди свободно владеющих немецким языком “уезжающих” даже меньше, чем среди остальных. Таким образом, вышеуказанные мотивы, типа “возвращение в естественную культурную среду”, представляются в известной мере условными и, очевидно, требуют достаточной критической трактовки.

Первостепенное давление факторов экономического свойства на иммиграционные установки обследуемых немцев настолько очевидно, что проявляется и при выяснении своего рода обратной стороны того, что мы выше ассоциировали с мотивами иммиграции. Речь идет о факторах снижения эмиграции немцев из бывшего СССР или точнее — о восприятии этих факторов со стороны респондентов. Ведь каждому из предложенных в специальном вопросе вариантов ответа соответствует, с той или иной степенью условности, определенный эмиграционный мотив, как это видно из предложенного ниже перечня. Так, отвечая на вопрос о том, “что бы могло уменьшить эмиграцию немцев из бывшего СССР”, респонденты указали следующие основные факторы (можно было отметить не более двух пунктов):

- создание реальных возможностей для развития частной инициативы и повышения уровня жизни38,2%
- увеличение правовых и социальных гарантий для немцев36,8%
- создание немецкой автономии35,7%
- развитие средств массовой информации на немецком языке 7,9%
- неприязненное отношение коренного населения ФРГ 3,6%
- уменьшение пособий эмигрантам из бывшего СССР 2,5%

Примечательно, что треть ответивших (33,6%) вообще считает, что “этот процесс невозможно уменьшить”. Если отбросить последние факторы, связанные с обстоятельствами уже внешнего плана и к тому же собравшие сравнительно небольшой процент “голосов”, то элементарное сопоставление этих данных с тем, что было зафиксировано выше по материалам иммиграции в Германию, еще раз подтверждает жесткую зависимость дальнейшего пребывания немцев в Украине от предлагаемых все той же Украиной перспектив условий жизни и прав для пока своего немецкого населения.

Указанная общая ориентированность украинских немцев на выезд тем более примечательна, что она, по-видимому, сопровождается не самыми оптимальными ожиданиями относительно того, как их приезд воспринимался бы коренным населением внутри Германии. Вот как, в частности, выглядит палитра таких представлений, выявленных вопросом о том, что “более точно характеризует” отношение жителей Германии к немецким переселенцам из бывшего СССР (в % к ответившим):

- иммигранты должны доказать свое право жить в свободном обществе27,5%
- у нас и без них полно проблем25,6%
- они — наши братья, мы должны сделать все, чтобы им жилось хорошо17,6%
- им трудно вжиться в новое общество, необходимо помогать им на первых порах16,5%
- иммигрантам нужно предоставлять такие же возможности (не меньше, но и не больше) как и коренным жителям ФРГ11,8%
- нет иммигрантов — нет забот 4,4%
- если они и есть, то нас это мало касается 3,7%
- мы достаточно богаты, чтобы не волноваться по этому поводу 2,2%

Таблица 17.

Представления об отношении внутри Германии к немцам-переселенцам и собственные иммиграционные установки (в %):

отношение	нужно ждать	нужно уезжать	нужно работать	другое	
должны доказать свое право	16,7	45,5	25,8	12,1	100
без них полно проблем	14,5	58,0	10,1	17,4	100
наши братья	17,0	44,7	34,0	4,3	100
помогать на первых порах	2,3	65,9	27,3	4,5	100
равные возможности	15,6	59,4	21,9	3,1	100

В то же время, как явствует из приведенной иерархии, упомянутые ожидания, похоже, не лишены реалистичности и, скорее всего, базируются на расхожей ситуации в самой Германии вокруг иммигрантов вообще и немецких переселенцев с территории бывшего СССР в частности. Впрочем, то, насколько структура представлений наших респондентов соответствует складывающимся там реальностям, — вопрос отдельного разговора, требующего, как минимум, дополнительного изучения непосредственно в ФРГ. В любом случае очевидно, что потенциальную немецкую иммиграцию вряд ли могут серьезно сдерживать все те “реальные” факторы “внутригерманского” плана, о которых уже сегодня вероятные переселенцы имеют представления, далекие от наиболее благоприятных. Последние, как свидетельствуют данные Таблицы 17, не оказывают сколько-нибудь заметного влияния на структуру иммиграционных установок. Это, в свою очередь, только подчеркивает как устойчивость и интенсивность нацеленности основной массы немцев на выезд, так и серьезность социально-экономических трудностей внутри бывшего СССР, собственно и обуславливающих, как мы выяснили, такую нацеленность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. До чого прагнуть німці України. Розмова з головою товариства німців України “Відродження” М.К.Айріхом. // Політика і Час. -1992. — №6. — С. 61-64.
2. W.Jewtuch. Perspektiven der Entwicklung von Deutschen im Kontext gegenwaertiger Prozesse in der Ukraine, in: Peter Hilkes/ Peter Marikucza (Hrsg.). Foerderungsmoeglichkeiten fuer Deutsche in der ehemaligen Sowjetunion. Beitrage einer Expertenkonferenz. Muenchen, 1992.
3. Ігнатов В. На шляхах відродження: проблеми етнічних груп України // Політика і час. — 1991. — N 17-18. — С. 24-30.
4. Ісаков К. Останься немцями (О немецкой эмиграции из СССР) // Новое время. — 1991. - N 7. — С. 36-37
5. І. Кулінич. Німецькі колонії на Україні: 60-ті роки XVIII століття — 1917 // Український історичний журнал. — 1990. №9 — с.18-30
6. В.Наулко. Культура і побут населення України. — Київ. — 1991.
7. В.Смолій, О.Гуршій. Як і коли почала формуватися українська нація. — Київ. — 1991
8. Советские немцы: история и современность. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Москва, 15-16 ноября 1989 г. //Ред. В.Г. Чеботарёва. — М. —1990. — 386 с.